

Н. В. СОКОЛОВ, <В. А. ЗАЙЦЕВ>

Отщепенцы

<Фрагменты>

<...> Есть люди, поклявшиеся жить свободно. Вместо того, чтобы принять положение, которое свет предлагал им, они хотели сами добиться смелостью и талантами того места, которое им нравилось. Они думали, что могут силою своей воли разом достигнуть цели своего честолюбия, овладеть предметом своих желаний. Они не хотели смешаться с толпой и взять в жизни номер. Пошлость рутинной практической жизни была им невыносима: они не могли долго терпеть ее, расходились с обществом и отрешались от него. Вместо того, чтобы идти по большой дороге, они побрели в сторону по полям и очутились в страшном одиночестве, в безлюдной степи. Я называю их «отщепенцами».

Отщепенцы те, которые делали все и ничем не сделались; которые учились всему: правам, медицине, естествознанию, военным наукам, математике — и не приобрели ни чина, ни диплома, ни привилегии, ни ученой степени.

Отщепенец — профессор, сбросивший свою мантию, — офицер, променявший мундир на цветную рубашку волонтера, — адвокат, пошедший в актеры, — священник, сделавшийся журналистом.

Отщепенцы — спокойные безумцы, восторженные труженики, мужественные ученые, которые проедают свои гроши и проживают свою жизнь, отыскивая причины общественных зол и бедствий, проповедуя вечную республику, блаженное социальное устройство, личную свободу, гражданскую солидарность, экономическую правду.

Отщепенцы — беспокойные люди, жаждущие только шума и волнений, воображающие, что им непременно нужно выполнить какое-то призвание, совершить какое-то священнодействие, защитить какое-нибудь знамя.

Отщепенец тот, кто не стоит твердой ногою в практической жизни; кто не имеет ни профессии, ни состояния, ни ремесла; кто не может ничем назвать себя: ни мастеровым, ни художником, ни чиновником, ни военным, ни доктором, ни купцом, ни башмачником, ни священником; у кого нет ничего, кроме своей глупой или великой, жалкой или славной мании, — все равно, как и чем бы он ни занимался: или искусством, литературой или астрономией, магнетизмом, политикой или хиромантией; все равно, — чего бы он ни добивался: основать ли банк, школу или религию, журнал, фаланстер или республику.

Отщепенцы все те, кто не думал, не умел или не желал подчиниться общей доле; кто побрел наудачу, на произвол судьбы; все те бедные сумасброды, которые, выходя в жизнь, надели семимильные сапоги и очутились в лаптях, далеко в стороне от дороги.

Отщепенцы, наконец, все те люди, ремесло которых не показано в статистических списках: изобретатели, поэты, трибуны, философы и герои.

Свет хочет обратить их в мытарей, в рабочих своих мастерских, в узаконенных, прописанных деятелей; но они удаляются от него, хотят жить особою жизнью, незавидной и горькой.

Сельский отщепенец пользуется, по крайней мере, дружбой поселян, любовью деревенских красавиц. О нем говорят на вечеринках; он всегда найдет под каким-нибудь камнем запас пороха и хлеба. Ему приходится бояться только жандармов, да и то, если «голубые» подойдут слишком близко, он подымет дуло своего ружья... еще шаг — и он выстрелит.

Но столичный отщепенец идет без хитрости и притворства, среди свистков и смеха, с открытой грудью, неся пред собой, как светоч, свою гордость. Приходит гонение и нищета и задувают этот светоч, схватывают безумца и свергают в пропасть. Я видел храбрецов, людей великодушных, благородных, которые увядали и умирали, потому что бесстрашно насмеялись в глаза практической жизни, потому что презрели ее требования и опасности. И она отомстила им, погубив их смертью медленною, в продолжительной агонии, полной жестоких огорчений, тяжких страданий, бесчеловечных мучений. <...>

Прудон

Прудон родился в 1809 году в г. Безансоне, где родились также Фурье и Виктор Гюго.

Отец Прудона был бочаром, а мать кухаркой; они имели пятерых детей и жили в крайней бедности.

«Кто беден, тот мне родня», — говорил всегда Прудон, и сам жил и умер бедняком в 1865 году. Вот что писал он в 1837 году, когда вступал на поприще общественной деятельности:

«Я родился и воспитался в среде рабочего народа; с ним делил я радость и горе; с ним жил умом и сердцем. Цель моей жизни — работать без усталости на пользу тех, кого люблю я называть своими братьями и товарищами. И эта цель будет достигнута, и буду я счастлив, если мне удастся посеять в народе семена того учения, которое я признаю законом нравственного мира».

Прудон сдержал свое обещание. Вся жизнь его прошла в труде и в борьбе за народное дело.

Во время июльской монархии, в самый разгар общественного разврата, молодой и пылкий Прудон принялся за дело народного воспитания. Прежде всего, как настоящий отщепенец, не гоняясь за личной выгодой и положением в обществе, он стал внимательно изучать социальные вопросы. Текущая литература и журналистика его не занимали. В них он видел пустое словоизвержение, вздорную игру разных партий, которые увлекались ежедневными спорами и вовсе не думали о логическом проведении своих идей.

Желая разгадать смысл современной цивилизации, Прудон углубился в изучение памятников исторического Отщепенства и обратил особенное внимание на Библию и Евангелие <...>.

Но этот отщепенец не мечтал сделаться ученым археологом и академиком. Он изучал и писал не для стяжания похвал и наград, а с целью образовывать себя и других. Не упуская из вида вопросов социализма, от Библии он прямо перешел к разбору политической экономии.

И вот в 1840 году появляется знаменитое его сочинение «Что такое собственность?» (*Qu'est-ce que la Propriété*). Это сочинение он посвятил той самой академии, которая наградила его медалью за первую брошюру и сделала его своим пенсионером. <...>

Безансонские академики единогласно осудили сочинение Прудона как антисоциальное и публично заявили, что исключают его из списка своих пенсионеров. Прудон отвечал:

«После подобного приговора мне остается только просить читателей не думать, что все мои земляки так же глупы, как члены Безансонской академии».

В то самое время, когда ученые предавали анафеме книгу Прудона, ему уже угрожало судебное преследование. Но, по совету экономиста Бланки, министр юстиции велел остановить дело без последствий.

Сочинение Прудона «Что такое собственность?» навело ужас на всю буржуазию. Действительно, было чего испугаться!

Прудон говорил:

«Если бы меня спросили: *что такое рабство?* и я ответил бы — *убийство*, то мне не пришлось бы доказывать этого. Я не удивил бы никого, потому что лишать человека мысли и воли, то есть обращать его в раба, значит посягать на его жизнь, т. е. убивать. Почему же на вопрос: *что такое собственность?* я не могу сказать — *кража*, и надеяться, что меня поймут? Разве это последнее предложение отличается от первого?»

«Но сколько шуму и криков подымает мое определение собственности!»

— *Собственность — кража!* Да это набат 93 года! Это воззвание к революции!

— Читатели, успокойтесь! Я вовсе не поджигатель восстания, не агент заговорщиков. Я только выражаю ту истину, которую вы напрасно пытаетесь обойти незнанием. *Собственность — кража.* Это определение вам кажется богохульством. Но знаете ли, что оно стало бы для нас громоотводом, если бы вздорные предубеждения не мешали нам понимать его, как следует. К сожалению, сколько интересов и предрассудков восстает против него!.. Что делать, однако, если развязка приближается, если сила событий берет свое, независимо от всякого предсказания! И разве можно, наконец, не признавать правды и отказаться от разума?

Итак, читатели, не смущайтесь моим определением собственности. Имейте несколько мужества, чтобы следовать за мною. И если ваше желание искренно, а воля свободна и совесть покойна, если ваш рассудок умеет связать два предложения и вывести из них логическое заключение, то уверяю вас — мои мысли сделаются вашими. Бросая вам, в начале книги, ее последний вывод, я желал только предупредить вас, а не поразить наглостью. Мне верилось и верится еще, что я добьюсь непременно вашего одобрения. Все, что я стану доказывать, покажется вам так осязательно, верно

и неоспоримо, что вы невольно изумитесь и скажите про себя: «Как же, однако, я не подумал об этом раньше»».

«Как поборник равенства, я буду говорить с вами без гнева и злобы, с независимостью мыслителя, с твердостью и спокойствием свободного человека».

Такими словами начинает Прудон свое сочинение; кончается же оно так:

«Старая цивилизация умирает. Восходящее солнце равенства освещает уже землю, и скоро закипит она иною жизнью. Пусть промелькнет еще поколение, пусть дряхлые вероломцы доживут последние дни. Но ты, молодежь, негодующая на разврат нашего века, ты, молодежь, жаждущая правды, борись смело за *свободу*, если любишь родину и признаешь интересы человечества. Очищай с себя грязь эгоизма и бросайся в народный поток *равенства*. В нем освежатся и окрепнут силы твои, и ты почувствуешь небывалую мощь: расслабленный ум твой приобретет несокрушимую логичность, а сердце, быть может уже развращенное, станет чистым и пылким. И все представится в истинном свете глазам твоим. С новыми чувствами зародятся и новые мысли: вера, нравственность, право — все заявит тебе в ином, прекрасном и величественном виде. И с упованием и с увлечением будешь ты приветствовать зарю общего возрождения к новой жизни».

«А вы, бедные жертвы ненавистного закона! Я знаю, что вас грабят и унижают; я знаю, что труд ваш бесплоден, а отдых безнадёжен... Но утешьтесь: ваши слезы переполнили меру. С горем и отчаянием сеяли отцы, но с радостью пожнут дети».

Прудон, называя собственность кражей, возбудил против себя страшное негодование... но только со стороны людей недобросовестных и преступных, со стороны всех тех, кто живет на счет чужого труда и считает свою покражу — благоприобретенную собственностью.

Прудон назвал собственность кражей. На каком основании? На том, что он считает лихоимство воровством, а экономисты объявляют это преступление правом собственности и с негодованием восстают против законов о лихве.

Лихоимство = право собственности.

Лихоимство = кража.

Лихоимство за лихоимство, в результате остается: собственность = кража».

Так и сказал Прудон. Разве он виноват, если экономисты, ярые защитники права собственности, доказывают, что лихоимствовать, то есть красть, значит пользоваться этим правом?!

По убеждению Прудона, собственник — вор вовсе не потому, что имеет собственность, а потому что лихоимствует, крадет. Уничтожьте лихоимство, и собственность перестанет быть кражей. Вот все, чего желает Прудон. Что же преступного в этом желании? Не того ли самого желали Моисей, Иисус Христос, апостолы и отцы Церкви, которые осуждали и проклинали лихоимство! «Не укради!» — говорит заповедь Моисея¹ и Христа. «Бери лихо», т. е. воруи, — говорят экономисты. На чьей стороне правда?

Итак, если собственность приобретается, сохраняется и увеличивается путем лихоимства, то она обращается в кражу. И подобная собственность, по словам Прудона, — преступна, потому что порождает и развивает нищету рабочего народа, укореняет разврат в обществе, извращает совесть людей и отрицает их свободу, равенство и братство.

«Экономисты должны знать, — говорит Прудон, — что задельная плата, которую получает работник, должна давать ему возможность выкупать произведение своего труда. И зная это, почему они осмеливаются защищать законность лихоимства как права собственности? Почему они решаются уверять, что брать барыши не бесчестно? Хозяин платит работнику три франка, а сам продает произведение его труда вдвое, втрое, вдесятеро дороже, лихоимствуя и на счет материала, и на счет рабочей платы. Разве он поступает честно и справедливо?!»

«Во Франции 20 миллионов рабочих занимаются всевозможными отраслями производства и приготавливают массу вещей и товаров, необходимых и полезных для общества. Сумма всех заработков равняется ежегодно, положим, 20 миллиардам франков. Но вследствие того, что взимаются подати, пошрины и всякие налоги, берутся взятки, получают проценты, барыши, доходы, короче, вследствие того, что существует лихоимство, все произведения труда продаются не за 20, а за 25 миллиардов. Что это значит? Это значит, что масса рабочего народа, которая должна жить плодами своего труда, не может ими пользоваться: ей приходится платить 5 за то, что сработано только за 4, или голодать один день из пяти».

«Пусть найдется во Франции такой экономист, который докажет мне, что мой расчет неверен, и я тотчас принесу публичное покаяние и отрекусь от слов: “Собственность — кража”».

Такого экономиста, разумеется, не нашлось не только во Франции, но не найдется никогда и в целом мире, пока будут жить люди и существовать математика.

Итак, лихоимствующая собственность несправедлива, преступна и, в заключение всего, нелепа, т. е. логически невозможна.

В своей книге Прудон логически и математически доказал:

1) Собственность невозможна, потому что сама по себе ничего не производит, а требует, чтобы для нее работали, т. е. давали собственнику средства жить без труда на чужой счет.

2) Собственность невозможна, потому что требует лихвы и заставляет платить себе больше, чем сама дает.

3) Собственность невозможна, потому что без труда уничтожается, а при труде от него избавляется. Другими словами: она не может существовать без рабочих, а с рабочими развивает класс тунеядцев и воров.

4) Собственность невозможна, потому что убийственна. Она постоянно грабит работника, лишает его средств к жизни, оставляет без труда и заработка и в конце концов морит медленным голодом, убивает рядом лишений и страданий.

5) Собственность невозможна, потому что с нею общество доходит до самопожирания. Общество пожирает себя насильственным прекращением и застоём работ и возвышением продажной цены произведений труда. С одной стороны, не всем работникам удастся работать, и они осуждаются голодать, а с другой — все рабочие, которым позволено трудиться, не в состоянии пользоваться плодами своего труда.

6) Собственность невозможна, потому что порождает деспотизм, поддерживает и укореняет насилие власти. Собственность несовместна с политическим и гражданским равенством; следовательно, она невозможна.

7) Собственность невозможна, потому что лихоимство, которым она живет и держится, тоже невозможно: в обществе чистый доход несмыслим.

8) Собственность невозможна, потому что, посягая на труд, посягает и на себя: собственники губят не только рабочих, но и собственников путем монополии и конкуренции. Говоря иначе: собственность отрицает, уничтожает собственность.

9) Собственность, наконец, невозможна, потому что доводит до взаимности воровства, грабежа, насилия, убийства и обращает людей в диких зверей, а общественную жизнь в людоедство.

Вот что такое собственность, против которой восставали разум и совесть всех народов, всех святых и честных людей. Кто защищает собственность, основанную на тунеядстве и лихоимстве, тот, значит, отрицает здравый смысл и правду, тот плюет на Евангелие и распинает Христа. <...>

Работайте, твердят беспрестанно народу, работайте, копите деньги и делайтесь в свою очередь собственниками. Работники, вы — рекруты собственности. Когда она достанется вам, когда вы отведаете человеческого мяса, тогда будете довольны и забудете прежние лишения.

Из пролетариата попасть в собственника! Из раба превратится в тирана! Из жертвы в убийцу!

— Что такое пролетарий?

Пролетарий — работник, который трудится на глазах хозяина, собственника. Такому работнику говорится: «Тебе нет дела до собственности; ты не должен рассуждать о ней и проверять ее права и преимущества. Тебе дают задельную плату и больше ничего. Делай, что прикажут сегодня, а завтра ты будешь волен делать, что захочешь, если тебя оставят без работы. *Travailler pour les autres, c'est mourir pour les autres!**

«Каждый собственник, — говорит Прудон, — пользуясь чужим трудом, в глубине своей грязной души питает мысль об убийстве. — Напрасно уверяют, будто собственник, который трудится и вместе с тем получает доходы, не тунеядствует. Он только заставляет платить себе больше, чем обыкновенный дармоед, который живет одними доходами. Что бы ни делал собственник, во всяком случае доход его — вознаграждение за право тунеядства, то есть грабеж. И заметьте, что подобный грабеж, который осуждается разумом, совестью и христианскою верою, оправдывается экономистами и защищается законниками!»

«Присутствовали вы когда-нибудь при допросе обвиненного? Замечали вы, как он хитрит, увертывается, отговаривается, путается? Его допрашивают, опровергают, доказывают ложность его показаний, короче — преследуют, как зверя на охоте, и ловят на каждом слове. Он то соглашается, то возражает, запирается, отрицает и поминутно впадает в противоречие».

«Так точно ведет себя собственник, когда вызывают его на объяснение и оправдание права собственности. Сначала он

* Работать для других, означает умирать для других! (фр.).

вовсе отказывается отвечать и только возмущается, негодует и угрожает взглядом, в котором выражается злоба. Затем, когда ему приходится поневоле объясняться, он начинает подбирать разные избитые доводы, пускается рассуждать об условиях общественной жизни, о необходимости порядка, о законности, о правах наследства, о свободе договора, который освящает личную собственность, и т. д. Разбитый на всех этих пунктах, собственник выходит из себя и, с пеною у рта, бешено кричит: «Я владею законно, потому что работал, производил, улучшал, создавал. Этот дом, эти поля, эти деревья — плод трудов моих, произведение рук моих. Я строил, сажал, сеял, обращал пустыню в плодородную землю. Я присматривал за рабочими, платил им, и, если бы не нанимал их, они давно бы околели с голода. Никто за меня не расходовал и ни с кем я делиться не хочу».

«Ты работал, собственник! Зачем же ты болтал о порядке, о законах, о наследственном праве? Как! разве ты не был уверен в своей правоте или желал только потешиться над людьми и правдой?»

«Ты работал! Но что общего между трудом, который обязателен для всякого, и присвоением того, что принадлежит всем безраздельно? Разве ты не знал, что земля, как вода, воздух и свет, не может поступать в частное, исключительное пользование?»

«Ты работал! Но не заставлял ли ты работать за себя других? — вот что скажи. Каким же образом, работая для тебя, они потеряли то, что приобрел ты, не работая для них?»

«Ты работал! Прекрасно. Но посмотрим, однако, что ты сделал. Мы высчитаем, свесим, смерим, и тогда берегись! Если окажется, что ты разбогател на чужой счет, ты отдашь все до последней полушки» (*Qu'est ce que la Propriété*)*.

«Капиталисты! Нападая на собственность, я вовсе не отрицаю права на пользование плодами честного труда; я отрицаю только *барыши с капитала* и доходы с собственности. Поймите же это!»

«Вы говорите часто, что собственность сама по себе хороша, но дурны только те собственники, которые злоупотребляют своим правом».

«Прекрасно! Но что такое собственность, спрашиваю я вас? Разве это не право пользования и вместе с тем злоупотребления?»

* Что такое собственность (*фр.*).

Как же отделить одно от другого? Как запретить, например, собственнику не злоупотреблять? Разве закон может определить для каждого случая, где кончается пользование и начинается злоупотребление собственностью? Нет. Итак, что же оказывается? Оказывается то, что по принципу и сущности собственность безнравственна».

Все отщепенцы, начиная с апостолов и отцов Церкви и кончая Прудонем, отрицали собственность. Отчего же законники и судьи, называя себя христианами, не признавали и не признают этого отрицания? Почему они считают себя вправе преследовать и наказывать тех, которые разделяют убеждения людей святых? Собственность лихоимствует, крадет, истощает и убивает бедняков и рабочих, а законы и суды защищают ее! Где же правда?

«Да, — восклицает Прудон, — и законы, которые поддерживают собственность, даже безнравственную, — позорны, и суды позорны, и полиция позорна» (*Contrad. économ. 2 vol.*)*.

В другом месте он говорит: «Собственность, в экономическом смысле этого слова, — не что иное, как *veto*, т. е. запрещение, которое капиталисты налагают на обращение всех произведений труда. Чтобы снять это запрещение, приходится платить собственности известную пошлину, которая, смотря по обстоятельствам, называется доходом, процентом, барышом, учетом, привилегией, премией, монополем, взяткой и т. д.»

«Эта чудовищная система налогов поддерживается полицией, судами, одним словом — государством. Она порождает целый ряд преступлений — торговый и промышленный обман, монополия, ажиотаж и т. д.»

«Итак, отрицая собственность, как причину этих зол, я отрицаю: 1) все господские права собственности, под какими бы названиями они ни заявлялись; 2) всех спутников собственности, несмотря на их величие, блеск и силу; 3) все паллиативы, или полумеры, которыми желают, не посягая на собственность, ослабить ее пагубное действие».

«Я доказал, что такое собственность, — говорит Прудон. — Верьте мне: я не изменю своей клятвы и буду верен делу отрицания, несмотря на скрежет зубовой» (*Qu'est ce que la Propriété*)**.

* Экономические противоречия в 2-х т. (фр.).

** Что такое собственность (фр.).

С 1840 года, в течение двадцати пяти лет, Прудон не переставал отрицать старого порядка, основанного на грабеже и насилии, и умер в святости Отщепенства.

В 1849 году Прудон воскликнул с трибуны: «*Социализм не спускает глаз с капитала!*» Этими словами он хотел сказать, что коренной вопрос Отщепенства заключается в отрицании прав капитала.

С этой поры «Социализм» стал пугалом для капиталистов и камнем веры для рабочих.

«Я за рабочих против капитала, — говорил Прудон. — Я не желаю никем управлять и не желаю также, чтобы управляли мною».

«Чтобы не было эксплуатации человека человеком посредством капитала».

«Чтобы не было эксплуатации посредством насилия человека над человеком».

«*Свобода!* — Вот первое и последнее слово общественной жизни».

«Защитники эксплуатации говорят: “*Социальная революция есть цель, а революция политическая* (т. е. перемещение власти из одних рук в другие) — *средство*”. Другими словами, они говорят: дайте нам право жизни и смерти над вами, и мы сделаем вас свободными!.. Вот уже более шести тысяч лет, как то же самое проповедуют отъявленные мошенники и тираны».

«Нет, — говорю я, — наоборот — *политическая революция — цель, а социальная — средство*. Воспитайте людей так, чтобы они не гонялись за властью, не старались бы эксплуатировать друг друга и считали бы себя *равными* — и цель ваша достигнута: политический порядок устроится и не потребует ни полиции, ни суда, ни жандарма, ни палача».

Облегчить участь бедного и самого многочисленного класса рабочих, обеспечить их труд и развить их умственные способности — вот задача Социализма. Всему своя пора! Довольно уже рабочий народ потрудился для тунеядцев; пора ему подумать и о себе.

«До революции 1789 года, — говорит Прудон, — церковь, как заботливая и нежная мать, утверждала: всё для народа, но всё с согласия духовенства. Монархия, в свою очередь, объявляла — всё для народа, но всё волею короля. Дворянство, наконец, уверяло: всё для народа, но всё по желанию господ».

«Затем революционеры сказали: всё для народа, но всё по закону государства, по воле правительства».

«Наконец, плутократы решили: всё для народа, но всё в интересах буржуазии».

«Кто же, в заключение, заявит — *всё для народа и всё народам?* Отщепенец, социалист или никто. Всё для народа: промышленность, торговля, земледелие, образование и т. д. Всё народам: промышленность, торговля и т. д.».

«О рабочий народ, бедный, забитый, ограбленный народ! Когда ты перестанешь слушать шарлатанов и плутов, которые обещают постоянно облегчить твою жалкую участь путем *политических* реформ. Сообрази же, наконец, что всякая такая реформа основана на произволе, насилии и эксплуатации, то есть на всем том, что следует искоренять».

«А вы, великие политики! Вы толкуете о правах народа, а сами стоите на коленях перед золотым тельцом. Откажитесь поскорее от всяких обещаний, объявите прямо о стачке своей с лихоимцами, будьте искренними консерваторами и не лицемерьте во имя народа. Ваше настоящее дело — реакция; вы ничего лучше не придумаете, потому что не понимаете действительных желаний народа и не хотите их понимать. Народ не разделяется на партии. Но вы служите интересам известных партий, следовательно, действуете не в пользу народа, а против него. Консерваторы, вы считаете себя ловкими политиками и не замечаете, что вы слепы и водите за нос слепых».

«*Социальный порядок отрицает всякое политическое устройство*», — говорил Прудон и, в силу этого принципа, считал каждую конституцию если не обманом, то нелепостью.

«Как! — восклицал он, — вы желаете сделать людей свободнее, разумнее, честнее и, приступая к исполнению этого желания, требуете, чтобы они предварительно отказались от воли, разума и отдались в полное наше распоряжение! Кто вы такие? Откуда вы взялись? Почему считаете себя мудрецами и полагаете, что прочие не сумеют подумать сами о себе? Все, что есть разумного, полезного и справедливого в обществе, создано свободой и логическим развитием прежних фактов. Что же касается власти, то она существует только для поддержания старого порядка. Желая придать ей другое значение, желая обратить ее в рычаг движения, вы делаете ее только орудием деспотизма и насилия. Кроме *полицейской* обязанности, государство не должно знать ничего. Всякое новое постановление, всякая новая мера с его стороны только помеха общественному развитию и нарушение

порядка. Его труд — лихоимство; его поощрение — монополь, привилегия; его влияние — порча. Можно написать тысячи томов о государственных проделках и злоупотреблениях в политике, в религии, в промышленности, в публичных работах, в финансах, в администрации и т. д.».

«Зачем вам власть? Зародилась в вашей голове полезная идея? Сделали вы важное открытие? — Спешите заявить об этом вашим согражданам, затем приступайте сами к делу, предпринимайте, действуйте и не просите у правительства никакого пособия. Обращайтесь к обществу, будите его, вызывайте в нем охоту к самодеятельности. Вместо того, чтобы нападать на власть, старайтесь избегать ее вмешательства и учите народ обходиться без нее для достижения богатства и порядка».

«Так понимал я всегда социализм; говорю по совести. И это всегда удаляло меня от разных практически-политических школ. Участвуя в законодательном собрании, я почти всегда подавал голос отрицания. Кроме одного проекта, предложенного мною этому собранию 31 июля 1849 года, когда я желал заявить новые принципы социальной жизни, я не обращался никогда к правительству ни с какою просьбою, ни с каким предложением. Как социалист и отщепенец, я не ожидал от власти ничего, кроме насилия, и требовал только свободы, одной свободы».

Но вот раздаются громкие голоса...

«Власть, — восклицают плутократы, — должна устрашать и уничтожать тех непримиримых врагов общества, которые ненавидят всякий порядок. Эти враги — *отщепенцы*».

«Мы не будем оспаривать их теории. Скажем только, что нет той крайней свободы, которая удовлетворила бы их, нет слов, которыми можно было бы успокоить их. Они опутали общество тайною сетью, с целью без сомнения преступною. Позволить им злоумышлить во мраке было бы пагубною слабостью. — Трудолюбивые и честные работники гнушаются ими столько же, как и мы. Они знают, что отщепенские воззрения, *стоящие вне права и нравственности*, нелепы и неосуществимы; что, отняв у одних излишек, не доставишь другим даже необходимого; что такой образ действия убил бы кредит, уничтожил бы общественное богатство и породил бы общую нищету и отчаяние. Они знают, что только свободный труд под покровительством сильного и справедливого правительства может развить собственность и даровать благосостояние большинству. — Правительство

должно положить конец этому пагубному влиянию *во что бы то ни стало*».

«Отщепенцы стоят вне права и нравственности, говорите вы, — отвечал им Прудон. — *Вне права и нравственности! Следовательно — вне закона! И во что бы то ни стало* следует поразить Отщепенство!» <...>

Отрицание существующего порядка грабежа и насилия — вот значение и назначение Отщепенства.

«Отрицать, беспрестанно отрицать! — восклицал Прудон в порыве страстного увлечения правдой Отщепенства. — Цель этого постоянного, неизменного отрицания состоит в том, чтобы освободить человека от рабства мысли, в котором держит его практическая жизнь с ее позором и преступлением».

Такое отрицание, разумеется, непонятно и противно людям с практическим взглядом на вещи, людям старого закала, потому что они хотят *во что бы то ни стало* быть *мерзавцами*. Стóбит ли, после этого, рассуждать с такими нравственными уродами и мертвецами! Им говорят, что они идут вспять и верх ногами, а они твердят о своей практичности! Им говорят и доказывают, как дважды два, что они мерзавцы, а они обижаются и злятся! Что это — крайнее тупоумие и разврат совести или бессознательное, невольное признание своей подлости? Может быть, и то, и другое.

Отрицая современный порядок со всеми его гнусностями, Прудон всегда вызывал против себя общее негодование.

«С 1849 года, — говорит он, — я стал в глазах общества, по выражению одного журналиста, “человеком ужаса” *homme-terreur*». <...>

«Лицемерное, святотатственное общество! Ты хвастаешь своими пороками, а между тем дрожишь при мысли о смерти и, не веруя ни во что, думаешь, однако, что надо же все-таки *во что-нибудь* верить! В тебе погасла вера; но при всем твоим нравственным безобразии ты чувствуешь, что тебя не удовлетворяет практическая мудрость, и тебе хочется еще чего-то другого. У всех руки грязны, все запятнали себя воровством, а между тем каждый внутренне презирает лихоимство... Итак, нечего унывать! В этом гнилом обществе шевелится еще что-то человеческое — и оно может возродиться к честной жизни».

«Нам, отщепенцам, нам, пророкам новой веры, нечего ожидать в настоящем: оно нас отлучает. Сколько из нас погибает

ет — и никто не оплакивает нашей злосчастной доли. Та самая толпа, которой мы пролагаем путь к прогрессу, равнодушно или презрительно проходит мимо нас и топчет наши могилы. Пусть идет... *Вперед, вперед!* — вот наш лозунг, наша вера, наш фанатизм. Правда, мы падем, все, один за другим, но наше дело не пропадет даром. Наука соберет плоды нашего героического отрицания, а потомство насладится тем счастьем, которого нам не доставало. Пусть же настоящее нас отвергает: это отвержение придает нам силу, и без отщепенства мы были бы ничтожны, гадки и вредны».

Таков был Прудон, этот примерный отщепенец!

Заключение

«Блаженны алчущие и жаждущие правды! Блаженны вы, когда возненавидят вас люди, и когда отлучат нас, и будут поносить вас, и гнать и всячески злословить за Сына человеческого!»

Так говорил Иисус Христос ученикам своим, отщепенцам фарисейского общества.

Так должны утешать себя отщепенцы современного развратного общества *практических людей*.

«Что может быть подлее и бесстыднее таких людей! — восклицает Иоанн Златоуст. — Что может быть грязнее их рук, гнуснее их лица и срамнее их глаз! Они не знают и не признают ничего человеческого, а всех и все считают на деньги и о деньгах только думают».

Горько, невыносимо горько жить отщепенцам в обществе подобных хищников! Жить с ними, сходиться, говорить, а тем более действовать с ними заодно — мучение, наказание и нравственная смерть.

Да минует всякого молодого, неиспорченного человека грязная чаша практической жизни! Пусть он знает, что эта жизнь неизбежно развратит его мысль и совесть и неизбежно омерзавит все его поступки. Пусть он знает, что в этой жизни нет жизни, потому что практические люди — мертвецы, которые хоронят друг друга.

Живой о живом и думай! А нет ничего живее Отщепенства, в котором во веки веков искали и находили спасение все честные и разумные люди, начиная с первых христиан и кончая последними социалистами.

Не понять тебе, практическому туняядцу и лихоимцу, бессмертной идеи отщепенства, которое наводит на тебя невольный ужас. И страшно становится тебе за мерзкую практику, когда ты видишь, что есть живые люди, есть Отщепенцы, которые отрицают ее смысл и с отвращением от нее удаляются.

